

Заврин Даниил

16+

Инквизитор

Даниил Заврин

Инквизитор

«Автор»

2019

Заврин Д.

Инквизитор / Д. Заврин — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-07155-1

Инквизиция была бичом средневековья, уничтожая неверующих и защищая интересы церкви, выжигая еретизм. А что если она дожила до наших дней? Что если за пост в интернете к вам постучаться в двери? Невозможно? Тогда прошу ознакомиться с новой книгой Заврина Даниила "Инквизитор".

ISBN 978-5-532-07155-1

© Заврин Д., 2019

© Автор, 2019

Даниил Заврин Инквизитор

Участковый достал ещё одну сигарету, его пальцы быстро мерзли, хотелось как можно скорее убрать руки в карман. Холод пришел слишком неожиданно, застигнув почти всех москвичей врасплох, кто-то даже ещё в джемпере ходил, совершенно забыв о капризах погоды. Савелий блаженно вдохнул сигаретный дым. Да, так намного легче. Легче ждать храмовника, который вот-вот должен был подъехать.

Савелий посмотрел на огни старых домов. Знакомый район прожигал свое время привычно, буднично, как и все последние годы. Всё без лишних эмоций. И это хорошо. Ведь что может быть лучше этого тихого, спокойного места, где блеклый свет из старых окон частично приукрашивает улицу.

Когда подъехала черная машина, то храмовник вышел из неё не сразу. А когда появился, то сразу же стал чем-то инородным, далеким, никак не сочетающимся с этим спокойным спальным местом. Савелий тихо сплюнул, он так и не понял, почему храмовник приехал сам, а не вызвал эту бабу на допрос, как обычно они делают. Так поступить было куда проще, стоять на ветру не пришлось бы.

Одет тот был в черное, длинное, явно сшитое на заказ пальто с небольшой черной эмблемой и стоячим воротником. Храмовник был выше Савелия, шире в плечах, с лицом, по которому совершенно невозможно было угадать возраст. Оглядевшись, храмовник внимательно посмотрел на Савелия, затем медленно подошёл к нему.

– Добрый вечер, лейтенант, – тихо сказал он, вытаскивая удостоверение. – Извините, что заставил вас ждать.

– Всё в порядке. Я часто прихожу пораньше.

– Это хорошо, – холодно улыбнулся храмовник, захлопывая кожаную корочку. – Работы много, поэтому любая минута бесценна.

– Да, конечно.

– Надеюсь, вы сделали всё, как я просил?

– Да, конечно. Никаких извещений, никаких предупреждений.

– И правильно. Только так можно понять – кто перед тобой, – задумчиво заметил храмовник, махнув рукой своим помощникам, сидевшим в машине. – На каком, говорите, она этаже?

– Девятым.

– Интересное число, если перевернуть, то будет шесть, – отстранённо заметил храмовник, подходя к подъезду.

Подниматься пришлось по лестнице. Пропустив помощников к лифту, священник выбрал куда более простой маршрут, ступая по лестнице так тихо, что Савелий не слышал никаких звуков, кроме своего дыхания и легкого топота ног. А ведь он даже пробежки делал по утрам.

Наконец показалась цифра девять. Белая, потертая, она слабо выделялась на этой заплесневевшей грязной стене. Храмовник вытащил руку и мягко коснулся стены. На лице его появилась легкая гримаса отвращения, но все же он так и не одернул руку, доведя её до самых тамбурных дверей.

– Грязь, её слишком много для одного дома, – задумчиво проговорил приезжий, выбирая одну из кнопок. – Ну что ж, время узнать, кто из этих людей истинно верующий.

На звонок ответили не сразу. Лишь после третьего нажатия послышалось легкое шарканье, бормотание, после чего замок заскрипел, а из-за двери послышался недовольный голос, который тут же замер, едва храмовник представился и попросил открыть дверь.

Это был толстый, неприятный мужчина лет сорока, в когда-то белой, а сейчас грязной, как и его лицо, майке, жирные пятна которой почти сливались с тамбурной штукатуркой. Раскрыв рот, он невольно попятился назад, пропуская гостей и не забывая при этом креститься. Храмовник улыбнулся и положил ему руку на плечо.

– Спасибо за помощь. Это ценно.

– Я, я, я, всегда готов услужить, я истинно верующий, я больше не пью.

– Это хорошо. На вас обязательно снизойдет благодать Божия. Но для начала нам нужно очистить это место. Скажите, где живет Наталья Федоровна Чеснова?

— Дверь налево, вот та – шестьдесят четвертая.

– Шесть и четыре. Все четные, – улыбнулся храмовник. – Будьте добры, постучитесь в неё. Уверен, вам она откроет быстро.

Бледный как мел толстяк хотел было что-то возразить, но потом явно передумал, ступая на негнущихся ногах к двери, где ещё более вялым движением произвел несколько ударов и также же вяло представился.

Снова звук открывающегося замка. Снова шум ног и разве что детские крики немного поменяли тональность предыдущего акта открытия столь похожей двери. Савелий нахмурился, он не помнил, чтобы у этой женщины были дети. Неужели он смог такое пропустить? Впрочем, что можно было ожидать от вечернего запроса, да ещё когда он отработал двое суток подряд?

Пока открывался замок, храмовник успел отодвинуть соседа, позволяя двум своим помощникам вплотную встать к дверному замку. Так было проще войти. И едва показался свет, они вломились, оставляя после себя крик и вялое бормотание толстяка.

– Иди к себе и помолись, – мягко сказал священник. – Нет ничего лучше молитвы в эту холодную ночь.

– Да. Да, конечно.

Затем храмовник поманил Савелия и исчез в квартире.

«Номинально, он должен присутствовать лишь номинально» – раз за разом повторял себе участковый, входя в квартиру. Ничего не совершать, просто стоять на манер истукана, позволяя церковникам делать свое дело. Просто быть рядом. Он все ещё олицетворяет собой власть, не менее значимую, чем церковная.

– Входите, лейтенант. Ведь вы на месте преступления, – мягко проговорил священник, снимая перчатки и проводя пальцем по стене. – Чувствует это?

– Что?

– Неверие. Что почти незаметно, почти прозрачно. Казалось бы, его и нет, но, увы, оно здесь.

– Вам виднее.

– Да. Мне виднее, – храмовник посмотрел на крест, висевший на стене. – Богохульство. Отвратительное богохульство. Но мы обязательно это исправим.

Савелий прислушался, он вдруг понял, что перестал слышать детские крики. Равно, как и любые другие, а ведь дверь открыла женщина. Храмовник словно почувствовал его мысли, прищурился и посмотрел в коридор, словно приглашая его войти туда.

– Вам сюда, лейтенант.

Храмовник пошёл первым и открыл дверь в детскую, в которой находились и дети, и женщина, прикованная наручниками к стулу. На её лице была кровь и след от сильного удара, которым, по всей видимости, её наградил один из помощников храмовника. Савелий взглянул на детей. Мальчик и девочка едва дышали от страха, позволяя слезам беззвучно стекать по их круглым щекам.

– Позвольте представиться. Михаил, служитель святой инквизиции, – начал было храмовник, но его перебили.

– Да знаю я, кто ты. Сволочь!

– Грубо. Очень грубо. Но я понимаю тебя. Ты живешь в аду, твои дети живут в аду. Посмотри, до чего ты их довела. Оборванные, грязные, что они видели, кроме твоего алкоголизма, неверия и, что ещё хуже, желания распространять ложные речи.

– Я не была в секте. Я сколько раз говорила! Я не знаю, кто это. Я всем это говорила!

– Я понимаю, сестра моя. Ты хочешь показать раскаяние, но это ложь. Я много раз видел подобное. Я знаю все признаки и, поверь, сейчас я вижу именно лживое раскаяние.

– Прошу вас, не надо. У меня дети. Я не буду больше. Я обещаю.

– Я знаю. Я знаю, что не будешь. А потому я помогу тебе. Я заберу твоих детей. И, поверь, с нами им будет лучше.

– Ублюдок! Сволочь! – дернулась женщина, но храмовник быстро коснулся её шеи, и голова несчастной безжизненно повисла на плечах.

– И потому все твое сквернословие – это лишь боль, которую я уберу, – задумчиво проговорил храмовник, отстранённо добавив: – детей в машину.

– Подождите, вы хотите забрать детей? – не выдержал Савелий. – Подождите, но о детях не было разговора.

Храмовник поднял на него свой тяжелый мрачный взгляд. И было уже неважно, сколько ему лет и как выглядит его кожа. Возраст этого человека читался теперь легко, лет ему было сорок или около того.

– Разве это важно, Савелий Петрович?

– Да. Точнее, меня не предупреждали. У неё есть сестра. Она может забрать детей, – начал было он, доставая сигарету.

– Хотите закурить? – спросил храмовник, внимательно за ним наблюдая.

– Я? – нерешительно посмотрел на сигарету Савелий, вдруг ощутив липкий сковывающий страх. – Нет, я бросаю. Просто привычка, ношу для профилактики.

– Понимаю. Иногда надо уступить, чтобы потом окончательно победить. Мы тоже так делаем, – сказал храмовник, кладя руку ему на плечо. – Спасибо за содействие. Эти сектанты... От них одни проблемы.

Савелий устало кивнул. Он вдруг очень сильно почувствовал свою усталость. Ему захотелось домой, в свою кровать. Лечь и уснуть. Но сейчас он должен был достоять эту вахту. Ещё каких-нибудь двадцать минут, пока всех этих несчастных не заберут храмовники, как стали называть в последние годы священнослужителей.

Закончив молиться, Дмитрий перекрестился и, встав с колен, зажег свечу рядом с иконой. Теперь, когда его перевели на службу в Москву, он молился реже, но едва получив свободную минуту, сразу же спускался сюда, в молельню, где смешивались ароматы старых каменных иерусалимских плит, воска и ладана, которые были так близки его верующей душе. Он поправил черную форму. Она была совсем новой и идеально сидела на нём.

Сзади послышался шум. Эта была она, та самая еретичка, прогневившую душу которой они приволокли в святую обитель, где под пристальным вниманием церкви смогут вырвать из неё признание в грехах. Но сначала... Сначала она, как и все, получит шанс покаяться добровольно. Что хоть и занимает время, но является обязательным моментом при раскрытии еретиков. Таков уж порядок. Дмитрий открыл дверь в допросную.

Наталья Федоровна Чеснова, немолодая женщина лет сорока пяти, сидела уже спокойнее, без всех этих выразительных движений, которыми ещё полчаса назад она одаривала всех священников, кто пытался с ней заговорить. Теперь она была куда более послушной. А потому, устало вздохнув, Дмитрий сел перед ней, с печалью во взгляде наблюдая за её видом. Ему очень не нравились эти скомканные волосы, вздутые слипающиеся глаза и многочисленные кровоподтеки на лице.

– Я спрошу тебя ещё раз. Как давно ты находишься в секте?

Наталья Федоровна медленно повернулась, но скорее на звук, нежели на его образ. Видела она совсем плохо, если вообще могла что-либо разглядеть.

Дмитрий вздохнул. Это ожесточенное сопротивление выматывало его. Утомляло. Но он понимал, что результат важнее его усталости. Конечно, он может сделать вид, что перед ним обычная немолодая женщина, пьяница. Подобных ей можно встретить на любом углу и потом отпустить, так как понятно, что на хмельную голову идут всякого рода непотребные мысли. Это, конечно, куда легче тех усилий, которые он прикладывал здесь. Но, увы, это вовсе не гарантирует покой.

А вот понимание того, что он смог вскрыть гнойник отчаянной жажды поколебать святую веру, жажду заразить этим безумным желанием остальных людей – это понимание бесценно. И только оно даст ему спокойный сон.

Но для этого он должен видеть правильно. Не так, как остальные. Видеть, что эта немолодая женщина, которая так ловко представляется обычной пьяницей, есть росток зла, манипулирующий сознанием обычных людей, простых смертных, которых он поклялся привести к чистой вере. Дмитрий посмотрел на Наталью Федоровну. Заблеванная кровавой жижей, она престранно улыбалась.

– Когда ты сдохнешь, храмовник, тебя ждет суд. И там ты ответишь за всё.

– Значит, всё-таки ты веришь во что-то, – довольно заметил Дмитрий. – А, стало быть, цирк с трудной жизнью закончен, еретичка.

Наталья Федоровна подняла голову и, сплюнув кровь, постаралась как можно сильнее разлепить глаза. И ей это почти удалось.

– Да. Наверное, ты всё-таки прав. Пришло время посмотреть своей смерти в лицо.

– Не смерти. А справедливому суду. И ты правильно решила, что подумала о раскаянии.

– Уж не перед тобой ли, храмовник? Сколько ты сегодня убил, поймал, выпытал?

– Сегодня я был занят только тобой.

– Тогда мне жаль твоих трудов. Я ничего не скажу тебе, храмовник. Ни о себе, ни об остальных

– А надо ли больше? Неужели ты думала, что мы не следили за твоим домом? Или, вызвав этого лейтенанта, старший послушник Михаил надеялся лишь на то, что он откроет дверь? Боюсь, ты недооцениваешь нас. Мы хотели узнать, насколько близко он работает с вами. Насколько его выдаст собственный страх. И знаешь? Он выдал. И, я уверен, с ним мне придется провозиться намного меньше.

– Да пошел ты! Тебе ничего не доказать. Я ничего не скажу.

– Да признание особо и не требуется. Хватит и той ереси, что ты несла в интернете, включая оскорбление священнослужителя.

Дмитрий поднялся со стула и посмотрел на камеру. Теперь пленку следовало отправить в церковный суд, где будет вынесен приговор. Раньше с этим было сложно, так как отдавали всё в следственный комитет, но, Слава Богу, их права урезали, инквизиции теперь позволялось всё решать напрямую, без сторонних вмешательств.

Выключив камеру, он развернулся к женщине и глумливо улыбнулся. Эти небольшие дополнения после основной процедуры допроса были одним из самых приятных моментов в его работе.

– Знаешь, когда ты будешь умирать, я хочу, чтобы ты подумала о своих детях. О том, что им будет гораздо лучше в наших пропитанных верой покоях, нежели в твоей заблеванной лачуге. Ведь ты – никудышная мать!

– Ублюдок! – не выдержала женщина, рванувшись с места. – Гори в аду, мразь! Гори в аду, черная сволочь! Я вырву твое сердце, будь ты проклят, не смей упоминать моих детей, мерзость!

Дмитрий посмотрел на её руки. Порезанная металлом кожа вздулась и почти скрыла металлические обручи вместе с их столь приятным серебряным цветом. Он усмехнулся. Эти еретики всегда любили роль заветных матерей, играя на человеческих эмоциях. Порой искусно, порой наивно и иногда совершенно бездарно. В этот раз склонялось к последнему.

– Как я уже сказал, постарайся подумать о них, еретичка.

Послушник вышел из комнаты. Хотелось немного успокоить сердце, стучавшееся от безраздельной радости, что он смог выполнить задание Михаила, столь крепко доверившегося ему, разрешив вести допрос этой еретички. Поправив форму, он посмотрел на ботинки. Измазанные кровью, они были неприглядны. Идти в таких ботинках к старшему означало проявить ужасное неуважение.

Дмитрий вытащил платок и аккуратно обтер их. Теперь, когда они снова засверкали прежней чистотой, он мог спокойно отправиться на аудиенцию к старшему наставнику, обрисовав ему всю ситуацию с подозреваемой в сектантстве женщиной. Причем сделать это можно было немедленно, так как Михаил тоже работал допоздна.

Эмоции, эмоции, эмоции. Они всегда зашкаливали в нем, когда он отправлялся к этому человеку, открывшему ему глаза на весь жизненный путь. Ибо Михаил был безупречен во всем: в одежде, в манерах, во внешнем виде, сумевший сохраниться, несмотря на неюные годы.

Облизнув нервно губы, Дмитрий ещё раз осмотрел себя. Нет. Выглядел он всё же хорошо и все благодаря новой форме, которая сидела на нём как влитая.

В машине, стоящей напротив грязного черного дома было совсем мало места. Фактически его хватало лишь на двоих, но, по идее, сидеть должны были четверо. И всё из-за крупногабаритного водителя, который, сдвинув переднее сиденье назад, хмуро рассматривал капли дождя, бившие по стеклам черного автомобиля.

– Ты же вроде бросил курить? – усмехнулись Ольга своей кривой улыбкой, так как шрам, тянувшийся от глаза до уголка рта, не позволял ей предложить что-то другое.

— Бросишь тут! – буркнул Антон, крутя сигарету в уголке рта. – Двадцать лет этой заразе отдал, это теперь как жену бросить, что-то вроде предательства.

– Ты был женат?

– А что, я похож на одиночку? – нахмурился Бровицкий, и они вместе с Ольгой засмеялись.

– Да, муж из тебя бы вышел – тот ещё скупердяй.

– Неправда, с чего ты решила?

– Ты куришь «Беломорканал», стало быть, если ты сравниваешь сигарету с женой, то тратишь на неё минимальное количество денег.

— Дело не в деньгах. А потому, что он сам тухнет, что удобно. И, во вторых, если уж курить, то только крепкие.

– «Капитан Блэк»?

– Нет. Они мягче.

– Все равно скупердяй.

– Отстань! – Антон провел сигаретой у самого носа и аккуратно убрал в карман. – Ты права, надо бороться с вредными привычками.

– Тебе со многим надо бороться.

– Да хватит. Не моя вина, что там такие окна хрупкие.

– Ну да, ну да. Подожди, это наш? – Ольга указала на невысокого мужчину в сером пальто. – Вроде похож.

– Похоже на то. Решил в шпиона поиграть. Ты, кстати, не знаешь, зачем гончий сам поехал к этой бабе?

– Насколько мне известно, у босса случаются порой заскоки. Хочет сам всё выявить, прочувствовать.

– Скорее всего, он просто напал на след, я сразу понял, что он ещё та ищейка. Почувствовал что-то и решил убедиться на месте. Не зря же он всё дело под свой контроль взял.

– Да, результативно получилось. Первый допрос и сразу же она во всем созналась.

– Это с Корнеевым? Да, с ним не забалуешь, садист чертов.

– Зато эффективно.

– У нас разные взгляды на допросы, – заметил Антон, положив руки на руль.

Ольга посмотрела на его кисти. Огромные, в шрамах, они могли многое рассказать о своем хозяине, столько лет прослужившим оперативником в убийном отделе. Руки... Они, пожалуй, даже важнее церковного досья, всегда отличавшимся щепетильностью к деталям и открывавшим немало интересного об этом крупном и вечно недовольном опере, еле-еле умещавшимся в широком додже.

Правда, есть вопрос – зачем? Ольга предполагала, что так ей удаётся просто отвлечься. Ведь её прошлое – словно хищный зверь, поджидающий в самых темных уголках, так и норовит оторвать кусок изодранной, опостылевшей жизни. Она посмотрела на Антона, кажется, он так же думал и про неё, только перебирал в голове не названия улиц и банд, а куски земного шара, где до сих пор шла ожесточенная война.

– Ты был добрым ментом, да? – прищурилась она. – Добрый коп – это забавно.

— Только прошу – не улыбайся.

– Да пошёл ты!

– Подожди, я, кажется, знаю этого парня, – вдруг сказал Антон, всматриваясь в темноту, где прямо напротив дома участкового появился человек. – Да это же хромой!

– Хромой?

– Да. Та ещё нечисть. Удивительно, что он вообще жив ещё.

– Тебе крестик не жмет, когда ты ругаешься?

– Давит, но что делать. Главное – результат, а без ругани совсем неумоготу, даже думать не получается.

– Тогда не думай, а действуй. Выходи из машины и бери его как умеешь.

Антон посмотрел на небо. Черное, дождливое. Оно ему явно не нравилось. Он громко выдохнул и снова развалился на сиденье. Он очень не любил воду, пожалуй, это было единственным, что его могло хоть как-то напугать.

– Зачем? Куда спешить? Проследим потом за ним и все. Только вот думается мне, что это никакая не секта, а обычный денежный обмен. Должен же наш участковый как-то питаться. А этот ему в самый раз.

– Убогий к убогому?

– Как-то так.

– Но брать их всё равно придётся. Михаил недвусмысленно дал это понять.

– Я не пойду сейчас. Пусть перетрут, а потом возьмем хромого на хате.

– Ты знаешь, где он живет?

– Минут через тридцать узнаю. Он периодически меняет хаты, но с района далеко не уходит.

– Водички боишься?

– Это глупый спор.

– А в ванну ты только пьяный ложишься?

– Может, ты уже отстанешь от меня с этой ванной?

– Да нет, мне просто любопытно – как ты это делаешь, от тебя вроде не воняет, – Ольга принялась. – Ты что, салфеточкой обтираешься как космонавты?

– Сказал бы я, что надо тебе подтереть салфеточкой, но сама понимаешь...

– О да, путь священника сложен и тяжек.

– Господи, как тебя на работу сюда взяли-то?!

– Не богохульствуй.

– Нет, но как-то же взяли! Да и через постель вряд ли. Признайся, ты угрожала послушнику?

– Видимо, как и ты. Подожди, смотри, участковый вышел.

Но не успели они всмотреться в две мокнувшие под дождем фигуры, как прозвучал выстрел, повалив и участкового, и хромого на асфальт. А затем человек в капюшоне подошел и сделал ещё два выстрела. Убийца не спешил, прицеливался хоть и профессионально, но достаточно медленно. В удовольствии.

Дернувшиеся тела сразу же растворились в ночной темной улице. Казалось, так и должно быть, что само их существование – лишь фатальная ошибка городской природы, вызвавшей на решение проблемы этого темного человека. Антон почувствовал, что держит руку на рукоятке пистолета, еле сдерживаясь от желания выпрыгнуть из машины и открыть огонь.

А потом Ольга задела дверь. Человек поднял голову и посмотрел в сторону их машины. Дождь, темнота, грязь, стекающая кровь, абсолютное безмолвие. Все замерло в одном моменте. Антон даже задержал дыхание, чтобы не производить ни единого звука, не говоря уже о том, чтобы повернуться и шикнуть Ольге. Только глаза в глаза или что там у него было под капюшоном. И лишь благодаря этой игре взглядов он смог успеть крикнуть – «пригнись!», прежде чем несколько пуль прошили лобовое стекло.

Михаил развернул фотографии. Несмотря на то, что была отвратительная погода, они получились качественные. Но иначе и быть не могло, так как он давно стал обращать внимание своих сотрудников на грамотную работу с фотоаппаратом, запрещая использовать телефоны.

А ещё он подумал, что был прав, когда поверил интуиции и решил проверить участкового, приставив к нему этих двоих. Теперь стало понятно, что епископ был прав, когда попросил его проверить этот адрес. Он поднял глаза – Антон и Ольга стояли перед ним.

– Значит, вот так теперь выглядит результат работы моих лучших сотрудников, – грустно заметил он, отодвигая фотографии. – А ведь нужно было просто узнать контакты участкового. Не более того. Вы ведь знали, что я не зря туда поехал. И что теперь? Что теперь будем делать?

– Я наведу справки по всем контактам хромого, и мы выйдем на заказчика, – сказал Антон.

– То есть, ты думаешь, что его знакомым наркоманам или алкоголикам он рассказал о том, с кем работает и как?

– Возможно.

– И, соответственно, его наниматель просто так решил его убрать. Ведь, исходя из твоей логики, убивать его было бессмысленно, все и так всё знали.

– Лучше бы ты молчал, – скривилась Ольга. Одна из пуль прошила её руку навывлет, и теперь это доставляло ей некоторое неудобство. – Мы найдем его.

– Конечно, найдете. Но когда?

– Неделя. Может, меньше.

– Неделя. Исходя из почерка этого убийцы, он профессионал, причем лучший.

– Это почему?

– Потому что ранил. Подождал, пока они осознают возможную смерть. Прочувствуют её и только потом убил. Потратил время. Потратил пули. Все ради эффекта. А значит, он либо фанатик-профессионал, либо наемник-профессионал. И в первом и во втором случае важно одно. Это не убийство, это послание и в то же время ещё и вызов. Вызов нам.

– Он не знал, что мы там.

– Или она, – улыбнулся Михаил. – В последнее время я все больше и больше убеждаюсь в эффективности работы женщин. Как рука?

– Нормально.

– Это хорошо, – кивнул Михаил. – И это вызов не вам, двум послушникам, а всей инквизиции. А значит – и мне.

– Согласен. Попахивает личным, – согласился Бровицкий.

– Антон!

– Да что опять-то?

– Шеф, что-то ещё? – спросила Ольга.

– Только то, что теперь всю работу придётся делать Дмитрию, которого ты так не любишь. Ведь теперь из-за твоей промашки ему придется выбивать остальную информацию. Выбивать усердно. И все потому, что ты не смог обезопасить место своей работы и подставил коллегу под ненужный риск.

– Я не девочка, могу сама за себя постоять, – заметила Ольга.

– С тобой я ещё поговорю. А теперь идите с глаз моих, – махнул рукой Михаил, возвращаясь к фотографиям тел.

Антон и Ольга повернулись к двери и едва не столкнулись с Дмитрием, который также пришёл к Михаилу.

– Доволен? – тихо спросил Антон.

– Как и всегда, когда ты лажаешь, – улыбнулся Дмитрий и, повернувшись к Ольге, добавил: – мое почтение.

– Тебе того же.

– Дмитрий, – Михаил поднял глаза, – а остальным, я так понимаю, нужно особое распоряжение, чтобы они покинули комнату?

Антон и Ольга вышли. Встав напротив Михаила, Дмитрий положил на стол папку и глубоко вздохнул, словно ощущая все недовольство старшего на своей чувствительной душе. Михаил раскрыл папку и пробежался по ней взглядом.

– Это всё?

– Что было в официальных источниках.

– Очень мало. Надо больше. Мне нужно больше информации добыть из этой женщины. Знаешь, – Михаил поднял голову, – лучше сделаем так: я сам поговорю с ней, а потом ты можешь поработать.

– Без ограничений?

– Да. Без ограничений.

– А дети?

– Пока отложим. Но не убивать. Она нужна живой. Калечить тоже не надо. Пока не надо. Здесь что-то очень серьезное. Надо понять примерные размеры этого зла.

– Подготовить допросную?

– Да. Давай через час. Можно без веревок. Я просто поговорю с ней, – Михаил поднялся из-за стола и подошёл к Дмитрию. – Твой фанатизм может сослужить хорошую службу. Я очень сильно надеюсь на тебя. Остальные тут не приобрели подлинной веры. Они – лишь инструменты. Но ты... В тебе горит праведный огонь. Ты сможешь стать хорошим инквизитором. Теперь ступай, времени у нас немного. И приведите её в порядок. Пусть почувствует немного заботы.

– Хорошо. Всё будет сделано.

– И ещё – постарайся не вступать в конфликты с этими двумя. Это опасные люди и они никогда не почувствуют нашей веры.

– Тогда зачем они нам?

– Потому что они профессионалы, потому что ими можно легко пожертвовать.

- Я не буду задира́ться.
- Очень на это надеюсь.

Когда Михаил снова остался один, он подошёл к зеркалу и посмотрел на себя. Время не щадило его. Эта усталость, морщины, они слишком хорошо потрепали его лицо за последние годы. И все же в нем никак не мог угаснуть тот огонь, который подпитывал его. Чувство справедливого возмездия за все те грехи, которые раскидывали еретики и нечестивцы, поклоняясь злу и ложным богам. Он поправил стоячий воротник. Даже вступая в общение с самыми недостойными, он должен выглядеть хорошо, всем своим видом показывая превосходство святой церкви.

**

Как дьявол кроится в деталях, так и женская красота, по сути, открывается в мелочах. Да, во многом красивые девушки схожи – аккуратные брови, мягкий, изящный рот, большие глаза и плавная линия подбородка, ведомая правильной формой природы – это и образует общую картину, столь сильно влекущую мужчин. Но детали... В них скрыта уязвимость. Стоит приглядеться получше – и все, можно развалить любую красоту.

Михаил внимательно посмотрел на пленницу. Она была хоть и в возрасте, но, несомненно, красива. В большей мере из-за глаз, огромных, глубоких, самых сильных из всех атрибутов красоты женщины.

Он вежливо поклонился и вошел в комнату. Здесь было прохладно, хорошо. На небольшом стеклянном столике стоял кувшин с водой, а рядом – красивый хрустальный стакан, с которым так сильно контрастировало разбитое женское лицо. Михаил, несколько поморщившись, протянул ей белый платок.

- Можете не возвращать, – сказал он мягко.
- Спасибо, – сказала Наталья и, плюнув в платок, отдала ему обратно.
- Знаете, хорошо, что вы не пытаетесь притворяться, люблю, когда начистоту. Это умиротворяет. Из грехов ложь, пожалуй, сразу после трусости идет. Даже хуже чем зависть. Но это, конечно, по моему мнению.

- Что тебе надо, храмовник?
- Имена. Мне нужны имена.

Наталья скривилась, дав разодранной губе пустить немного крови. Михаил покачал головой. Такое начало разговора было ему не совсем приятно.

- Что, не нравится, храмовник? Противно? Так ты думаешь, разглядывая кровь?

– Частично. Я согласен, что кровь – это не совсем то, что к лицу женщине. Тем более красивой. Но думаю я о другом.

- О чем же?

– Эти разрывы на твоих губах... Я смотрю на них и понимаю, что сейчас все хорошо. Не больно. Это лишь небольшие ссадины, из-за которых чуть больно улыбаться. Что они заживут, и лицо несколько не изменится.

- И?

– Но всё может измениться через несколько часов. И уже будет неважно, скажешь ты имена или нет. Насколько я знаю Дмитрия, он сделает так, что ты всё расскажешь и даже чуть больше. А потом тело хоть выбрасывай, но зато это будет эффективно.

Наталья внимательно посмотрела ему в глаза. Михаил взгляд не отвел, он просто не умел этого делать. Наконец Наталья кроваво улыбнулась, и в этот раз капля крови упала на ковер. Михаил посмотрел вниз. Мягкий белый персидский ковер был безнадежно испорчен. Все же Дмитрий немного поспешил, приведя её именно сюда.

- Я попробую стерпеть, храмовник.

– Уверена? Мы ведь веками отработывали это. Веками. В которых такие как ты исчислялись тысячами. И каждая была уверена, что выдержит. А между тем методы убеждения всё совершенствовались и совершенствовались. Хотя что-то неизменно. Опять же, недавно, когда Дмитрий увлекся, я видел, как еретичка звала уже давно умершую мать, пока раскаленный металл капал на её мягкие ткани. Старо, но убивающее действенно.

– Повторюсь, я попробую потерпеть.

– И в этом мы тебе даже поможем. Болевой шок никто не отменял. Смерть тут избавляет. Поэтому приходится колоть сыворотку, не позволяющую умереть при работе с телом.

Наталья лишь сплюнула кровь. Михаил снова с грустью посмотрел на ковер. Отмыть его было бы все сложнее и сложнее.

– Твоё желание к саморазрушению угнетает.

– Или, как вы говорите, к очищению?

– Софистика. Главное ведь – не только твоя жизнь. Подумай, неужели смерть и мучения твоих детей также обоснованы? Сейчас есть выбор. Потом его не будет.

– Надо же. Решил приплести детей. А я-то думала, когда ты уже начнешь. Хорошо, что ждать надо было недолго.

– Смешно. Кстати, сказать тебе по секрету? – он наклонился и тихим шепотом произнес: – если бы у меня были дети, я бы сдал всех своих сподвижников.

– Ты хуже дьявола, храмовник. Ведь, по факту, ты ещё и предатель, – зло улыбнулась Наталья.

– Теперь я вижу, насколько тебе ценны твои сектантские выродки, – Михаил улыбнулся. – Что же они дали тебе, раз ты готова сама умереть, а также предать мучениям своих детей?

– Они дали мне прозреть.

– И что ты увидела?

– Что тебе не дано, храмовник. Что ты никогда не узнаешь своим ограниченным разумом. Так что если ты закончил, то можешь приступить к своим пыткам, жалкий ублюдок.

– Уверен, твои дети оценят твой пыл. Я позабочусь о том, чтобы им в точности передали твои слова, когда я предлагал тебе изменить их судьбу. А ещё – спасибо.

– За что?

– Наблюдая тебя, я понимаю, что моя работа необходима, что все те жертвы – они оправданны.

– Гори в аду!

– Это уже при необходимости.

Михаил поднялся и подошёл к двери. Едва он приоткрыл её, как показался Дмитрий, готовый исполнить любое его распоряжение. Встретившись с ним взглядом, он устало кивнул. Послушник зло улыбнулся и не без удовольствия посмотрел на Наталью. Дмитрию нравилось пытать людей. Причем именно женщин.

– Только чтобы обязательно был результат, – напомнил Михаил, положив руку ему на плечо.

– Естественно. Всё ради него, – сказал тот и вдруг резко дернулся вперед, исчезая из-под руки наставника.

Михаил обернулся и увидел как Наталья, свободная от веревок, быстро встала со стула и, резко взмахнув головой, насадила её на торчащую спинку его стула, с которого он несколько секунд назад вёл свой мягкий диалог. Смерть была мгновенной, так как основной удар пришёлся на глаза, пробив которые, еретичка умерла.

– Сука! – выругался в сердцах Дмитрий. – Так и знал, что её нельзя было отвязывать.

Но Михаил не ответил, так как, зачарованный этим поступком, он вдруг осознал две идеи. Причем, как это обычно бывает, одна хорошая, вторая плохая.

Хорошая была в том, что он получил фанатиков, которые хоть и пекутся о своем комфорте, но всё же способны на самоубийство, чего он не наблюдал уже несколько лет, это даст хороший толчок его карьере.

И плохая – что ковер был безнадежно испорчен, так как хлынувшая кровь уже никогда не сможет отпустить его, наградив огромным темным пятном. Михаил тяжело вздохнул – ладно бы это был просто дорогой ковер! Увы, это был подарок самого епископа.

Михаил открыл дверь и сел в машину. Зеленый «ягуар» привычно встретил трескучей кожей и утопил в сиденье. Невысокий стремительный английский подарок полюбился ему с первого взгляда, доставляя истинное наслаждение своим послушным мягким управлением.

Выруливая на дождливую улицу, Михаил чувствовал, как в нём привычно зарождается покой. Огни улицы, музыка, льющаяся из динамиков, все превращалось в нечто необычайно красивое, обволакивая его этим чудным изящным городским великолепием. Пусть даже ночным.

Остановившись на светофоре, Михаил привычно взглянул на свой дом. Это был невысокий кирпичный монумент прежней архитектуры, аккуратно спрятанный в спальном районе. Он завернул к частной парковке. Несмотря на кажущуюся простоту, здесь круглосуточно дежурила охрана, оберегая покой священнослужителей.

– Добрый вечер, – прогнусавил ему толстый охранник.

– Уже скорее ночь, Семен, – ответил Михаил, опуская стекло. – Я вижу, ты чем-то обеспокоен?

– Да. К вам пришла женщина, и мы никак не можем её прогнать. Вроде на просителей не похожа. Говорит, что знакома с вами.

— Как интересно, – Михаил посмотрел по сторонам, – и где же она?

– У нас. На улице дождь и мы решили, что пусть посидит с нами.

– Это добрый поступок, – улыбнулся Михаил. – Я сейчас подойду. Больше ничего необычного не произошло?

– Нет. Больше ничего.

Михаил коротко улыбнулся и поехал вниз на парковку. Так как дом был старый, сделать парковку под ним не получилось. Пришлось снести другой дом, чтобы вырыть котлован и построить великолепные три этажа, где для каждой семьи вышло ровно по два машиноместа. Главное – всё в шаговой доступности.

Покинув машину, Михаил любовно погладил её по крыше. Несомненно, англичане умели делать первоклассные машины. И в этом даже патриарх был с ним солидарен, так как сам ездил на «Ролл Ройсе».

Поднявшись наверх, он вошёл в домик охраны, который был сделан на манер основного дома из красного кирпича. Невысокая женщина с длинными вьющимися волосами сидела в первой комнате, держа на коленях маленькую сумочку. Её взгляд был прикован к большому стеклу, на котором от ветра растекались капли. Он кашлянул и она повернулась.

– Таня? – тихо произнес он, удивленно подняв брови. – Но как?

– Да вот так получилось, – выдохнула она, нервно покусывая губы.

– Тогда пойдем ко мне, зачем тут сидеть. У тебя есть время?

– Да, конечно. Ты уж прости меня, что не позвонила, просто я не знала, как правильно начать.

– Всё в порядке. Просто пойдем наверх. Надо же! Столько лет тебя не видел.

– Я тебя тоже. Разве что в новостях.

– Ох уж эти новости. Говорят, они портят пищеварение, – улыбнулся Михаил, открывая ей дверь. – Хорошо хоть дождь почти прекратился, а то я зонт не взял.

Доведя её до дверей подъезда, Михаил набрал код и открыл стеклянные двери, которые лишь недавно сменили тяжелые металлические. Это было общее решение, так как тяжелый металл, по мнению почти всех соседок, портил вид фасада.

Суетливая сонная консьержка сразу же выбежала на шум из своей коморки и, увидев Михаила, попятилась, приветливо разводя руками, успевая, однако, грозно коситься на гостью. Закрыв бабушку собой, Михаил помог Тане снять платок. В фойе было достаточно тепло, чтобы носить головной убор.

– Здесь даже иногда оставляют одежду, – сказал он, принимая платок.

– Хорошо, Миш. Мне нужно поговорить. Это срочно, – сказала она.

– Понимаю, – он указал на лифт, – нам на девятый.

Квартира узнала его моментально, едва он коснулся ручки двери. На кухне сразу же включилась кофеварка, и все помещение наполнилось терпким вкусом свежесваренного кофе, который вместе с музыкой Баха лениво распространился в воздухе.

Михаил повесил Татьянино пальто на вешалку, затем разделся сам и закрыл шкаф, который негромко зашумел.

– Обработывает. Не переживай, он очень аккуратен с вещами.

– Миш, у меня горе. Олега забрали, – уже не сдерживая слез, сказала она, упав ему на грудь.

Михаил инстинктивно положил руку её на волосы. Они были всё такими же крепкими, жесткими, моментально оказывая сопротивление его твердой руке. А ещё этот запах... Нет, не духов, она всегда душилась очень мало. Тела. Её обычного человеческого тела.

– Пойдем, я угощу тебя кофе. Ты же любишь со сливками, так?

– Да. Извини, – сказал она, отстраняясь, – я просто не знаю, к кому ещё обратиться, ты единственный, кто может нам помочь.

– Я слышал, только не думал, что его уже взяли под арест, – Михаил указал в сторону кухни. – Садись за стол, сейчас полегчает.

Он достал бутылку коньяка и капнул ей в кружку. Заметив это, Татьяна, наконец, улыбнулась.

– Решил меня сподручить? А я думала, вам не разрешено иметь дома алкоголь.

– Считаю это как борьбу с соблазном. Он есть, но я его не употребляю. Зато могу угостить гостей.

– И часто они к тебе приходят?

– Дай подумать. Наверное, никогда. Ты первая за последние десять лет.

Она так странно посмотрела. Это даже нельзя точно описать. Этот взгляд смог сохранить и печаль, и ностальгию, даже определенные трепет и волнение, вобрав в себя столь много за какие-то доли секунды. Этому, наверное, невозможно научиться, это либо есть, либо нет, но Татьяна умела это всегда. Правильнее сказать – сколько он её знал.

– У тебя нет женщины?

– Я принадлежу к черному духовенству, ты же знаешь.

– Да, я все время путала тебя и Женю. Он к белому, да?

– Я бы не хотел обсуждать его. У нас слишком сложные отношения.

– Хорошо, – она поставила кружку на стол. – Так ты сможешь мне?

– Это сложный вопрос. Олег – журналист и всё, что он писал, шло в определенный разрез с нашими идеями. Ты, наверное, знаешь, кто был его покровителем, ведь так?

– Олег мало говорил о работе. Но я что-то слышала о каких-то связях с епископом Владимиром.

– Который, замечу, сейчас низложен, равно, как и все его сподвижники.

– И что это значит?

– Что, как и в любом разделе власти, пощады тем, кто поддерживал епископа, не будет. Я достаточно хорошо знаю его оппонента, он пойдет до конца, чтобы растоптать всех, кто был против него.

– Но Олег – просто журналист!

– Нет. Он писал те вещи, которые ему позволяли. А значит, он уже не просто журналист. Он наемный журналист.

– Зачем ты мне это говоришь?

– Затем. Возможно, единственное, что я смогу для него сделать, это заменить ужасную смерть на более быструю. И то вероятность этого крайне мала. Ведь он работал не на моей земле.

– Но ты же возглавляешь инквизицию, кто сильнее вас?

Михаил задумчиво посмотрел на Татьяну. Сейчас она была особенно прекрасна. И это несмотря на годы. Этот азарт, этот дерзкий взгляд, этот огонь в глазах, вспыхивающий при первом же ветре. Совсем недавно она сидела, зябко поеживаясь на скамейке, и вот уже она словно валькирия бросается на него, на всё того же главу инквизиции

– Начнем с того, что я пока его не возглавляю. Ко мне присматриваются, не более. Но мне приятно, что ты так много знаешь о моей карьере.

– Я просто знала, что так будет, – потупила взгляд Татьяна. – Тебя ничто не способно остановить.

– Даже женщина, – не смог сдержаться Михаил. – Извини. Нахлынуло.

– Миш, если не ты, то я сама это сделаю.

– И как же? Взорвешь казематы?

– У меня есть компромат. Я выложу всё в интернет. Я заставлю их пойти на попятную.

Михаил отпил глоток кофе. Он был вкусным, мягким, таким, как он любил. Ему вообще нравилось, когда современность выступает вместе с классикой. Так, например, он просто не понимал – как можно жить в квартирах с позолоченными столами и стульями, как это предпочитали делать высшие церковные чины.

Металл и стекло – вот что было в его квартире, лишь металл и стекло. Ах, ну разве что современная электронная начинка, так умело выступающая на заднем фоне этого современного стиля. Он снова посмотрел на Таню. Теперь он уже не испытывал к ней тех чувств, которые когда-то едва не стоили ему сана. И все же помочь ей хотелось, особенно если это поможет и ему. Как-никак, а компромат на епископа Василия, который был давним врагом работодателя Олега, был не у всех.

– Я попробую. Но ты должна обещать мне, что не наделаешь глупостей и отдашь все материалы, которые тебе передал Олег, и без копий. Только так.

Татьяна задумчиво посмотрела на него. И снова эта игра глаз, сомнение, доверие, снова сомнение. А потом какая-то странная темнота, ступать в которую было даже сейчас опасно. Михаил пододвинул к ней кружку с коньяком.

– Спасибо. Спасибо за все. Я и вправду не хотела тебя просить. Но едва Олега закрыли, все тут же, как старые толстые крысы...

– Дали деру, – подмигнул Михаил. – Это нормально. Скажи, материл у тебя с собой, этот компромат, о котором ты говорила?

– Да. С собой.

– Хорошо. Тогда иди в душ и ложись. А я пока его изучу. И не спорь, сейчас тебе лучше отдохнуть. Об остальном поговорим утром.

– Нет, мне лучше поехать домой.

– Учитывая ситуацию, тебе лучше остаться здесь. Так как я не уверен, что ты нормально доберешься до дома, особенно после того, как побывала у меня. Тебе фантастически повезло, что тебя не забрали у охраны. Даже не знаю – это нарочно или просто оплошность.

– Что?

– Тань, ты – жена журналиста, открыто выступавшего против инквизиции. Поверь, места, безопаснее, чем здесь, для тебя нет. – Он протянул руку: – компромат.

Она вытащила флешку.

– А теперь ванна и сон. И поверь, это будет самый спокойный сон в твоей жизни.

Он смотрел на мирно спящую Татьяну. Как же быстро летит время. Неделя, вторая, третья... вот уже месяцы и годы. А она все так же прекрасна. Он улыбнулся, накинул на неё одеяло и пошёл на кухню, где его уже ждал ноутбук. Вставив флешку, он открыл файлы. Фотографии, фотографии, немного видео. Большею частью это были стандартные съемки в борделях, несколько видео с несовершеннолетними. Но одна папка вызвала у него особенный интерес.

Дело касалось некой Эльзы – девочки из сиротского приюта, у которой начались видения, после чего она неудачно попыталась покончить с собой и была перемещена в клинику святого Михаила Дзержинского.

Содержалась там она всего несколько месяцев под присмотром некоего Александра Петровича Михохленко, главного врача и по совместительству учредителя. Работающего на равных долях с хорошо знакомым церковным фондом «Милосердие». Пару раз этот фонд уже обращался к нему за помощью. Главным образом для того, чтобы найти своих нерадивых сотрудников, скрывшихся с хорошей суммой пожертвований. Михаил помог. Нашел всех.

Приют, где жила девочка до того как попасть в больницу, был также известен, хоть он и не был церковным. Несколько раз Михаил сталкивался с его детьми, очень рано научившимися воровать, убивать и совершать другие тяжкие грехи. Правда, напрямую он с ними не работал, а передавал другой структуре их епархии, но начальника приюта Антона Егоровича Приходько знал. Хороший был человек. Душевный.

Михаил снова прочитал биографию девочки. Вроде всё было стандартно: приют, потом – желание умереть. Детдомовцы всегда казались немного не в себе, тут не было ничего необычного. Но вот почему это оказалось в руках опального журналиста, да ещё на флешке с кучей компромата – было непонятно.

Правда, кое-что всё же было. Клиника, в которую изначально она должна была попасть, принадлежала фонду «Благовоние», выступавшим под патронажем епископа Николая Петровича Владыко, его непосредственного начальника. Была даже копия постановления, которую Олег зачем-то хранил. Но почему-то этого не произошло, забрали себе. Странно.

Михаил увеличил фото девочки. Невысокая, худощавая, с большими голубыми глазами. Чистый ангел, если повстречать её в богобоязненной семье. Таким барышням на роду написано заниматься фортепиано и пением, а еще, пожалуй, вышиванием. Михаил убрал фото. У него как раз было немного времени, чтобы съездить в эту больницу и навестить доктора. Всё равно Татьяна проснётся не раньше полудня, такова уж была её природа. Он поднял трубку и узнал время работы доктора. Как оказалось, они оба были рабочими жаворонками.

Клиника для душевнобольных святого Михаила Дзержинского была двухэтажным жёлтым помещением, расположенным недалеко от станции метро «Теплый стан». На входе у клиники располагались две небольшие колонны, громоздкий фасад и крупная деревянная дверь, которая отчаянно контрастировала с новым веянием современной стеклянной архитектуры.

Подъехав туда к семи, Михаил оставил машину на парковке и, показав удостоверение, передал ключи охране, после чего быстро прошёл внутрь. Внутри было пусто. Разве что одиноко сидел дежурный, смотревший на него заспанным усталым взглядом. Михаил снова показал удостоверение.

– Мне нужен главный врач, где я могу его найти? – спросил он, убрав удостоверение во внутренний карман черного церковного пиджака.

– Наверху, кабинет триста первый, – ответил встрепенувшийся сонный дежурный. – Он недавно пошел наверх.

– Спасибо.

Пройдя по лестнице, он быстро наткнулся на нужный кабинет, дверь которого была немного приоткрыта, так что даже стучать не пришлось. Михаил вошел внутрь. В кабинете оказалось небольшое разделение, благодаря которому стол принимающей сестры спасал доктора от ненужных посетителей. Сам же врач сидел в дальнем кабинете, дверь которого была закрыта.

Осмотревшись, Михаил сделал пару шагов и тут же оглянулся, так как едва он взялся за ручку двери, позади него оказалась толстая женщина с таким выражением лица, казалось, что она может запросто испепелить его, несмотря на его сан и церковную силу.

Михаил вытащил удостоверение. К удивлению, оно не произвело никакого эффекта.

– Вам назначено? Вы кто? Александр Петрович занят. Вам нельзя. Строго по талонам, – потело в него словно из пулемета.

Михаил вздохнул и крутанул ручку. Времени на препирательства у него не было, да и с подобными женщинами проще всего общаться через их начальство. Но едва он сделал шаг, как женщина стремительно бросилась к нему.

Оказавшись внутри кабинета, Михаил первым делом осмотрелся и сразу же подчеркнул, как тут было просторно. Ни нагромождений, ни ненужной мебели, лишь много света и пустого пространства. А на тех небольших редких стеллажах, которые висели над столом, была лишь пара медицинских книг. Сам же Александр Петрович сидел за рабочим столом, на котором также был общий порядок и огромное стекло, под которым было полно всяческих бумаг.

Михаил открыл дверь, впуская громкую женщину. Им стоило встретиться взглядами, только так могла наступить необходимая тишина.

– Александр Петрович! Он без стука! Отошла буквально на пару секунд в уборную, а этот... Самовольно, понимаете, самовольно...

– Успокойтесь, Клара, – ответил доктор, всматриваясь в удостоверение. – Ничего страшного, для священнослужителей у нас всегда есть время.

– Но? – запротестовала медсестра.

– Я же сказал, всё хорошо. Принесите лучше чаю. Вы, любезный, чай будете?

– Да. Чай это хорошо, – улыбнулся Михаил, убирая удостоверение.

– Тогда две чашки душистого чаю, Клара. У нас там вроде оставались печеньки, их тоже принеси, – сказал доктор и опустил глаза, подписывая какой-то документ, – работы просто невпроворот. Да вы присаживайтесь.

– Спасибо, – поблагодарил Михаил, присев на предложенный стул. – Как больные?

– Да как обычно. Кричат, матерятся, ссут в кровать и стараются навредить медперсоналу. Но это норма для нас, хотя для других, думаю, сплошное несчастье. Но мы люди привыкшие.

– Мы в какой-то мере тоже.

– А вы, собственно, по какому к нам поводу? – наконец, закончив с подписями, спросил Александр Петрович, подняв свои внимательные глаза. – Обычно у нас всё обходится письмами. А тут сам особый отдел пожаловал.

Михаил настолько часто общался с разными людьми, что не мог не почувствовать напряжение, с которым доктор начал свое знакомство. И пусть он даже его скрывал, но в этом вопросе Михаил был куда профессиональнее, и подобное дилетантство не могло от него ускользнуть.

– Хочется посмотреть, как вы работаете. Тем более что вы общаетесь лишь при помощи писем.

– А что нас проверять? У нас всё хорошо.

– Да какая ж это проверка, – улыбнулся Михаил, принимая чай из рук Клары, теперь уже куда более вежливой, – благодарю. А за печеньё особенно. Люблю сладкое.

Клара молча кивнула и, несмотря на свой вес, бесшумно скрылась за дверью. Михаил отпил глоток, чай был действительно вкусным, с легким привкусом меда. Он аккуратно поставил чашечку на блюде.

– Вам звонил Антон Егорович Приходько?

– Да.

– Знаете, я ведь так часто обещал ему, что навещу этот приют. И вот – удалось. Но чтобы особо не тратить ваше время, я, пожалуй, остановлюсь на одном пациенте, ведь если у одного всё хорошо, то и остальные не мучаются. А чтобы все было честно, выберу его сам. Согласны?

Доктор лишь сузил глаза, подложив под подбородок руки, в то время как Михаил надломил край небольшой хрупкой печеньки, которая маняще пахла медом. Наконец он вздохнул и спросил:

– И кто же это?

– Эльза Петровна Бобруйко, – сказал Михаил и надломил ещё печеньё, оно оказалось на редкость вкусным.

– А зачем она вам? – вздохнул доктор.

– Думаю, сейчас это вам должно быть без разницы. И, прошу вас, прежде, чем мы пойдем к ней, введите меня в курс дела относительно её болезни.

— А это одобрено? Я от вас еще не видел ни одной бумаги, – доктор несколько замялся. – Так не положено.

– Доктор, вам не стоит иметь меня в качестве возможных недоброжелателей. Прошу, рассказывайте, – уже более настойчиво заметил Михаил.

— Хорошо. Признаться, я ждал, что от вас кто-нибудь приедет, просто не думал, что особый отдел. Случай, конечно, странный.

– Странный случай у сумасшедшей? Что же тут удивительного?

– О, это особый случай, – Александр Петрович задумчиво помешал чай в металлической кружке. – Но обо всем по порядку.

Рассказ получился долгим. И начался с того, что Александр Петрович не любил, когда кричали в его кабинете, к тому же столь неистово. Но, увы, такова была его работа и почти пятьдесят процентов его больных повышали голос. А тут ещё девочку уже второй раз вынимали из петли.

Потом он рассказал её историю болезни. В активную фазу Эльза вошла сравнительно недавно, около полугода назад, когда ей стали сниться так называемые «вещие сны». Причем, что интересно, Эльза никогда не увлекалась не то, что Библией – церковью в целом. А тут целый библейский сюжет. Да какой!

Он вспомнил, как красочно она описывала свой «вещий» сон. Белые облака, позолоченные металлические двери в Рай. Полуобнаженные мужчины-ангелы, вставшие на стену небесного Царства, дабы защитить его от приближающегося войска тьмы, ведомого по небу миниатюрной девушкой, позади которой пристроился сам Сатана.

Прекрасная дева, безгрешная душа. Правда, влюбленная в Люцифера и способная довести его до врат Царства небесного. Но куда без этого, романтика должна быть. С той лишь добавкой, что Люцифер – её близкий знакомый, а она и есть то невинное дитя. Собственно, отсюда и главная проблема – это навязчивое желание самоубийства, дабы не попасть на небо. Ведь попасть в Рай – это тяжкий грех, а с ним она уже не сможет стать тем изящным проводником.

Доктор потер переносицу и добавил, что Эльза ему понравилась. Именно по этой причине он ещё не отдал её на съедение своим санитарам, которые уже не раз предлагали накачать несчастную препаратами и сделать из неё стандартное душевнобольное растение, способное лишь на то, чтобы сходить под себя и глупо улыбнуться, когда в воздухе запахнет мочой. Стандартная практика, всех душевнобольных ведь не вылечить. Но только не с ней, за Эльзу он решил побороться.

Доктор достал фотографии, которые ему принесли из её комнаты. В этот раз санитары еле успели вынуть её из петли, настолько ловко и тихо она сумела свить веревку. В этом был и его просчет. Он был абсолютно уверен, что она не сможет так быстро прийти в себя. Не говоря уже о том, что полезет снова в петлю. Это просто нелогично.

Доктор дословно процитировал её слова: «Я знаю, что он придёт, он не оставит меня, – едва ли не плюнула она ему в лицо. – Вы все умрете, он убьет вас. Он вырвет ваши сердца». Потом добавил:

– Неистово, неистово и ещё раз неистово. И откуда только силы взялись, она же почти ничего не ела, кормить пришлось насильно. К счастью, с этими голодовками мы умеем бороться куда успешнее, нежели с самоубийством».

После этих слов он взялся за кружку и сделал небольшой глоток. По всей видимости, рассказ относительно её истории был закончен.

Идя вдоль длинного коридора, Михаил задумчиво рассматривал стены. Жёлтые, чистые, они были безупречны. А если подумать, то на них наверняка были следы крови, которые тщательно смывали. Да, им бы таких уборщиц.

– А у вас тут чисто, – заметил Михаил.

– Да. За чистотой особый уход.

– Не дадите мне потом номер уборщицы? Нам такая сотрудница не помешает.

– У вас слишком много секретов.

– Уверен, держать рот на замке вы её научили.

Они свернули за угол, подойдя к высокой металлической, с небольшим окошком двери, за которой спала худая девушка, слегка прикрытая одеялом и накачанная, по всей видимости, снотворным.

– Не откроете? – попросил Михаил.

– Ей вкололи сильное успокоительное.

– Доктор, мы вроде бы обо всем уже договорились. Не заставляйте меня повторять одно и то же.

Александр Петрович покорно вздохнул и, вытащив ключ, щелкнул замком. Затем, пройдя вперед, вытащил из кармана шприц и, сделав струйку, аккуратно вколол Эльзе в руку лекарство. Веки девушки дернулись, потом медленно открылись.

– Где я? – слабо спросила она, потом, увидев Михаила, остановила взгляд на нём. – Вы кто?

– Служитель церкви, дорогая, – мягко улыбнулся Михаил и осторожно взял её за руку. – Как ваше самочувствие?

– Голова кружится.

– Это, по всей видимости, от снотворного и от того, что я вас разбудил. Но ничего, это пройдет. Скоро.

Эльза повернула голову и увидела Александра Петровича, который аккуратно зашел за её кровать, встав к решетчатому окну. Поворот дался ей тяжело, а потому она снова посмотрела на Михаила.

– Зачем вы здесь?

– Я слышал, у вас очень интересные сны. Я хотел бы поговорить о них подробнее.

– Но я уже всё рассказала доктору.

– Боюсь, он смотрит на это несколько иначе, – Михаил на секунду задумался. – Александр Петрович, вы не могли бы оставить нас? Как вы понимаете, церковные дела требуют лишь двоих.

– Эльза слаба. Ей необходимо присутствие врача, – пытался протестовать доктор.

— Мы позовем, если будет необходимость. Так ведь? – Михаил подмигнул девочке и, проводив взглядом недовольного доктора, добавил: – а теперь расскажи о своих снах. Уверен, вместе мы сможем их правильно понять.

Ничего нового он не услышал. Все тот же Люцифер. Всё то же небо. Ангелы. Последняя битва и её любовь, ради которой она способна всё это организовать. Слушая Эльзу, Михаил постоянно ловил себя на мысли, что это обычная фантазия, но вот то, как она рассказывала, как светились её глаза – было неопишимо. Понемногу и он уже начинал верить, что к ней и вправду пришел сам Сатана.

— Он прекрасен. Понимаете? Я такого, как он, ещё никогда не встречала. Он самый лучший, самый умный. Самый красивый! – неустанно повторяла она, пытаясь подняться.

– Тише, лежите. Вам необходим покой, – остановил её Михаил, положив руку на грудь, – вам нужен отдых.

– Но вы должны мне поверить. Вы же святой отец.

– Да. Я вам верю. Верю в то, что вы считаете правдой. Но вы можете ошибаться. Все ошибаются. Нельзя думать, что человек – Сатана, опираясь лишь на то, что он красив, умен, вежлив и обаятелен. Мы так всех достойных юношей погубим.

– Я понимаю. Понимаю. Но, поверьте, это именно он. Вам просто нужно увидеть его. И тогда вы всё поймете.

Михаил внутренне скривился. Наверное, первый раз за всю его карьеру его просят встретиться с самим Сатаной. С одной стороны – это вполне логично и даже является непосредственно его работой, но с другой... Сатана? Да вы издеваетесь?! Впрочем, чтобы увидеть всю картину, нужно собрать все пазлики.

– А если я с ним встречусь, вы перестанете дурить? Я имею в виду ваши суицидальные попытки. Они ведь ни к чему хорошему не приведут.

– Но только так я могу спасти нас. Из ада нельзя попасть на небо. Так мы все будем в безопасности, – сказала она, широко раскрыв глаза. – Только так можно спасти нас.

– Или позволить церкви ввязаться в это напрямую. Сатана – это наш, если так можно выразиться, клиент. Я познакомлюсь с ним и потом вам лично расскажу об этой встрече.

– Нет. У вас не получится. Как и у того священника, который пошел к нему в первый раз. Он тоже считал, что справится.

– Священник? – нахмурился Михаил.

– Да. Ведь когда я прибежала в церковь, я наткнулась на священника и все рассказала ему. Он обещал помочь. А меня тем временем отправил сюда.

– А почему вы решили, что у него не получилось справиться с вашим демоном?

– Ведь он не пришёл за мной, как обещал.

– Да, разумно. А где находится эта церковь?

– На Булатниковском проезде. Недалеко от железной дороги. Там красивый такой храм. Белый.

– Я знаю, где это. Не помните, как звали вашего священника?

– Нет.

– Может быть, помните, как выглядел?

– Высокий. Русский. Молодой. Красивый, – Эльза улыбнулась.

– А почему вы побежали в церковь? Я не полностью знаю вашу историю, – виновато заметил Михаил. – Вас что-то напугало?

– Да. Я проснулась среди ночи и увидела его. Он сказал, что любит меня, что нам надо быть вместе. Что у нас все только начинается. И хотел обнять меня.

– То есть, ваш молодой человек пришёл к вам ночью и захотел вас обнять?

– Да. Захотел.

– И все? А как он попал к вам в квартиру?

– Я дала ему ключи, – сказала Эльза и тут же сама виновато опустила глаза.

– О, Боже мой, – Михаил вздохнул. – И после этого вы побежали в церковь?

– Да. Поймите, это он. В ту ночь мне было предупреждение, и вот он появился. Он – моя погибель, – заплакала Эльза. – Но я люблю его.

— Понимаю. Любовь постоянно расстраивает наши планы. Я посмотрю, что смогу сделать. Но мне нужно для начала поговорить со святым отцом. Уверен, он исполнил вашу просьбу. Хотя это не вполне в его компетенции.

– Спасибо.

– А вы тем временем дождитесь меня. И давайте условимся. Никаких попыток суицида. А я сделаю так, что вам не будут колоть успокаивающее.

– Когда вы вернётесь?

– Думаю, завтра уже что-то смогу вам сказать. Или послезавтра. Много работы. Но ваше дело возьму на заметку особо, Эльза.

– Спасибо. Я вас очень прошу, он не оставит меня. Он явится за мной. Ему просто нужно время, я уверена.

– Всё будет хорошо. Мы во всем разберемся, – Михаил приподнялся. – А теперь мне нужно идти. Очень был рад нашему знакомству.

– Я тоже.

Закрыв дверь, священник увидел доктора, стоявшего возле окна. Взгляд у того был отрешенный, задумчивый. Михаил подошёл и аккуратно взял его за локоть. Александр Петрович вздрогнул.

– Послушайте, Александр Петрович. Я бы хотел вас попросить не давать ей без особой надобности успокоительное. Я поговорил с ней и уверен, что она меня слушает.

– Но она больна. Три попытки суицида.

– Слово Божие не слабее врачебного. Послушайте меня, не торопитесь. Дайте ей время. Конечно, если она сорвётся, у вас полное право применить ваши методы, но лишь в том случае, если она сорвётся. Я хочу завоевать её доверие. И потому дал обещание. Вам это понятно?

– Да, понятно.

– Хорошо. А теперь проведите меня к выходу. Очень у вас тут всё запутанно, боюсь потеряться.

Храм Николая Чудотворца был небольшим, деревянным и бедным. Равно как и район. То есть он вполне соответствовал своему месту, не выделяясь и сближаясь в лучших традициях общественных правил. Хотя было в этом и позитивное. Ведь храм Божий всегда должен возвышаться над общим миром.

Михаил припарковал «ягуар» и вышел из машины. В воздухе пахло канализацией, свежей землей и еле доносящимся ладаном. Он посмотрел на покосившийся забор. Видимо, охраны тут тоже не было. Хотя уже три года как все церкви Москвы обязали обзавестись охраной. Войдя в калитку, он перекрестился.

В храме кроме двух старух, выбирающих свечки подешевле, никого не было. Батюшка, по всей видимости, был в покоях, полностью доверившись своей помощнице, бойко рекомендовавшей самый наилучший восковый вариант для поминания усопших. Михаил встал перед

стеклом с церковными товарами. Ценник был немного ниже, чем везде. Но установленную планку не перебивал.

Сзади тихо подошёл послушник. Михаил выпрямился. Почти все, кто работал в церкви, имели свойство передвигаться бесшумно, а потому он научился без труда угадывать даже столь тихое движение.

– Я вам могу чем-то помочь? – тихо спросил подошедший.

Михаил развернулся и показал удостоверение:

– Мне нужен иерей Александр.

– Подождите тут, я сейчас спрошу, может ли он выйти к вам.

– Только быстрее, у меня мало времени, – попросил Михаил.

Александр Петров, иерей храма Николая Чудотворца, был невысок, на удивление крепко сложен, с еле-еле заметным начинающимся ожирением. Михаил сразу узнал его, так как фотография в досье была свежей. Подойдя к Михаилу, иерей поздоровался.

– Чем могу помочь особому отделу? – спросил он.

– Предлагаю выйти на улицу, – сухо заметил Михаил. – Церковные дела мирскому населению знать без надобности.

Александр согласно кивнул и рукой указал на небольшую дверь, по всей видимости, ведущую во внутренний сад – обязательный элемент при любом районном храме. Михаил обернулся на старух, они всё же смогли выбрать нужные свечи.

– Если честно, я немного удивлен вашему визиту. Нас нечасто посещают столь высокие гости, – начал Александр, едва они вышли в сад. – Неужели в нашем тихом районе завелись сектанты?

– Мы не только с сектантами работаем, – буднично заметил Михаил, – к нам все инакомыслящие попадают. Или, что хуже, неверующие. Впрочем, есть и третья категория, так называемые одержимые.

– Одержимые? – поднял брови Иерей.

– Естественно, куда ж без них, – Михаил сделал грустное лицо. – У вас ведь таких нет?

Александр ничего не ответил, лишь внимательно смотрел своими крупными черными глазами, пытаясь определить – прозвучал ли вопрос с угрозой. Почувствовав это, Михаил привычно взял его под локоть.

– Прошу прощения, святой отец, но к вам меня привело дело. Если я не ошибаюсь, в вашу обитель обращалась некая Эльза, которая просила одного из ваших послушников помочь ей с изгнанием.

– Но мы не оказываем подобных услуг. Это противозаконно.

– Я понимаю. Для каждого ведомства своя задача, – Михаил вздохнул. – Я пришел не для того, чтобы выяснять противозаконность ваших действий. Вы прекрасно понимаете, что мы работаем лишь с мирским населением. Я лишь хочу поговорить с вашим человеком. Девочка очень больна, надо понять, насколько всё серьезно. Может быть, это вам поможет вспомнить.

Михаил вытащил фотографию Эльзы. Александр внимательно посмотрел на неё, затем кивнул и Михаил убрал фото обратно в пиджак.

– Я помню её. Она буквально ворвалась к нам, крича об искуплении и избавлении. Если честно, я мало с ней общался, девочкой занялся послушник Алексей. Она производила много шума, я попросил его как можно быстрее успокоить её и передать в руки попечителей.

– А почему вы не вызвали нас?

– Этого не потребовалось.

– Дайте угадаю, – перебил его Михаил, – так сказал Алексей?

– Да, – несколько помедлив, ответил иерей.

– Мне нужно поговорить с ним. Он сейчас на службе?

– Да. Но о чем вы хотите поговорить? Он выполнил мое поручение. А вы, я так понимаю, работаете лишь с мирским населением.

Михаил внимательно посмотрел на иерея. Затем убрал руку с его локтя и, задумчиво оглядевшись, увидел крупную клумбу, на которой росло несколько красивых цветов. Сделав несколько шагов в сторону, он сорвал один из них.

– Понимаете ли, в чем дело. Как вы справедливо заметили, послушник Алексей не попадает под нашу юрисдикцию, так как работой непосредственно с духовенством занимается второй отдел. Но тот факт, что он не передал девушку нам, а направил её в психлечебницу, пусть и под нашим покровительством, говорит лишь о его малодушии и вызывает очень много вопросов. Я хочу лишь помочь ему.

– Помочь? – Александр подошёл к Михаилу. – Знаете, я очень люблю цветы, ухаживаю за ними, рашу и не люблю, когда их срывают.

– Вы не хотите мне помочь? – Михаил с любопытством посмотрел на иерея. – Вы понимаете всю ту ответственность, которую вы можете понести в том случае, если это дело перейдет ко второму отделу?

– Я не боюсь ни вас, ни их. Можете делать всё, что хотите. Но если вам нужен мой послушник, вызовите его по официальным каналам, а не приходите тайком и не вынюхивайте тут. Это, по меньшей мере, некрасиво.

– Да. Давно я не слышал подобных слов от белого духовенства. Знаете, я всегда был против того, чтобы священники обзаводились семьёй. Она пагубно влияет на наш уклад. Мы ведь должны служить лишь Богу, а не своим внутренним интересам. И любить должны только Его. И даже в том случае, если мы готовы принести в жертву своего брата или сестру, то поневоле задаешься вопросом: а зачем тогда они нам?

– Семья, – скривился иерей, – понимаю, да. У меня была семья. Был сын. Которого уже нет. И, знаете, его забрали такие как вы, которые посчитали, что он не соответствует вере.

– Клятвопреступник?

– Атеист.

– У отца священника сын – атеист? Так, может быть, это совершенно не ваше место? Как вы думаете? Ведь если вы даже в собственном сыне не сумели пробудить веру, то, быть может, вам пора на покой?

– А теперь послушай меня внимательно, – нахмурился иерей. – Уходи отсюда, дверь ты видишь, дорогу знаешь. Таким, как ты, тут делать нечего. И я пока по-хорошему прошу. Никаких встреч с Алексеем у тебя не будет.

– Скорбящий иерей? Бесстрашный перед лицом кары небесной? – усмехнулся Михаил, выбрасывая цветок. – Хорошо, как скажете, святой отец, только вот не у всех детей уже забрали. Уверен, ваш послушник, так же как и вы, неудержим в своем желании вкусить мирских прелестей и точно так же подвержен разоряющей идее любви к местному населению. А это уже наша работа.

Михаил заметил, как сжались кулаки у иерея. Ещё чуть-чуть и, вполне возможно, гнев бы полностью затмил его разум. Удивительно. Михаил повернулся к двери. Наверное, он всё же поспешил, решив, что сможет с наскоку разобраться с этим делом. Пора было подойти более обстоятельно и для начала разобраться с несговорчивым иереем, решившим вдруг, что тюрьма для его сына – это наихудшее, что может произойти в его жизни.

Рассматривая голубое небо, Михаил задумчиво разбирал оставшиеся ходы этого неожиданного расследования. А точнее – бесед, первая из которых – с послушником Алексеем. Вторая – это, собственно, с возлюбленным Эльзы. И третья – с Олегом, который находится под арестом в одном из отделений юго-западного «особого отдела».

Из всех трех бесед самой простой была третья, так как с ловчим юго-западного отдела он был знаком лично и, можно сказать, состоял в приятельских отношениях. Допуск к Олегу он получил бы без проблем и наименьшей доли внимания. Но только вот этот разговор Михаил хотел оставить на самый последний момент, так как идти к журналисту надо было со всей раздобытой информацией.

А, стало быть, оставались первая и вторая. Первая была самая сложная, так как надо было контактировать с внутренним отделом и поставить неугомонного иерея на место. И тут всплывало несколько проблем. Первая – это начальник внутреннего отдела, дотошный экзекутор Петр, человек слабовольный, но зато родственник епископа. И вторая – это протоиерей отец Афанасий, который всегда славился любовью к официальнойности и намертво стоял за всех своих сотрудников, являясь небеспочвенной причиной смелости иерея Александра.

Что же касается второй беседы, то поиск этого мальчика мог затянуться. Михаил уже давно не занимался оперативной работой, оставляя её для своих послушников, доверять которым столь щекотливое дело было пока рановато. Разве что Дмитрию. Ведь тот давно хотел стать экзорцистом, стало быть, работа по «особому» заданию была бы для него неплохой проверкой. В конечном счете, он уже давно хотел сделать на него ставку. Быть может, это судьба?

Михаил вдохнул городской воздух. Так много запахов. Алкоголь, пот, грязь и слабый запах полевых цветов, которые росли на небольшой клумбе. Везде нужно очищение, везде. Даже рядом со старой церковью, которая работает по устаревшей схеме.

Он вытащил телефон и набрал номер Дмитрия, который сразу же принял задание, уточнив лишь, надо ли привозить этого новоявленного демона в отдел. Михаил ответил отрицательно. Только адрес. Светить его в отделе было незачем. Да и порой беседы в собственной квартире, месте, где человек чувствует себя защищенным, проходят куда эффективнее, нежели в застенках их бетонных казематов. Всё тут зависит от уровня экзорциста.

Сев в машину, Михаил включил музыку. Надо было ехать в отдел, обычную его работу ещё никто не отменял, скоро надо будет докладывать епископу об успехах. А их пока немного. Да и какие это, собственно, успехи? Два трупа. Один – участкового, второй – безымянного хромого, по которому он все ещё не получил никакой информации. Михаил вздохнул и набрал Ольге. В отличие от Антона, у неё куда лучше прослеживался талант настоящего ловчего.

Информации было немного. Хромой оказался обычным мелким бандитом, состоявшим на учете и примыкавшим к царицынской группировке, активность которой заметно упала в связи с уничтожением лидера и активным истреблением со стороны Ореховской бригады.

– Его преступная деятельность волнует меня меньше всего, оставь это полиции, – чуть громче обычного заметил Михаил. – Наша задача – борьба с инакомыслием и только это, поэтому мне нужны все его возможные контакты с сектами. Таких профессионалов, как наш стрелок, не используют дилетанты, здесь почерк хорошо организованной крупной структуры, которая обязательно где-нибудь засветилась. Это всё, что вы накопили?

– Нет, – тихо сказал трубка, – есть ещё кое-что. Эта Наталья, она неплохо в свое время подделывала паспорта. Точнее, неплохо – это слабо сказано. Но потом, в определённый момент, её муж что-то не поделил с бандитами. Формально – это он выступал посредником. И вот она остаётся одна, в то время как несчастного муженька нашли в лесу. Я почти уверена, что ей угрожали детьми. Видимо, из-за них она забросила эту работу.

– Думаешь, решила взяться за старое?

– Да. Но, думаю, её заставили.

– А причем тут участковый?

– Скорее всего, выступал вроде посредника. Сами понимаете, ему удобно было к ней в гости заходить.

– Да. Разумно. Что будешь дальше делать?

– Надо выходить на работодателей хромого. Уверена, так быстрее всего. Всё равно с этой Натальи ничего не взять уже.

– Но это уже хоть что-то. Ладно, работайте. К пятнице у меня встреча с епископом и я не хочу краснеть перед ним. Чтобы пытаться, ума не надо, а вот найти и выследить – это сложная работа, ради которой я вас и держу.

Частично это была, конечно, ложь, так как Антон и Ольга выполняли в основном оперативную работу, но, увы, кадров было сейчас мало. И кроме Дмитрия, которого он отправил на поиски несчастного возлюбленного, у него пока никого не было. Хотя, по идее, в отделе должно было быть минимум шесть инквизиторов.

– Всё сам да сам, – задумчиво проговорил Михаил, выезжая на дорогу. – Но ничего, это лишь закаляет.

Остановившись на перекрестке, он похлопал пальцами по рулю, дожидаясь, пока навигатор построит маршрут. И, получив результат, улыбнулся. Из-за пробок навигатор выбрал дальнюю дорогу, пролежавшую рядом с церковью святого Луки, в которой служил его старый друг иерей Денис, с которым они когда-то очень давно оканчивали духовную семинарию.

– Сам Бог велел, – заметил Михаил, вырывая на шоссе. Он любил навещать своего старого знакомого, взгляды с которым на церковную жизнь у них расходились в корне.

Иерей Денис был крупного телосложения, невысокий, заметно поседевший. И это несмотря на свой средний возраст и вполне спокойную жизнь. Михаила он привычно встретил на улице, где по странному стечению обстоятельств оказывался при каждой их встрече. Увидев зеленый «ягуар» Михаила, он покачал головой и, сделав знак послушнику, направился к машине.

– А я стал уже привыкать к красной, – задумчиво заметил он, разглядывая «ягуар».

– Красный цвет от лукавого, сам знаешь. А зеленый успокаивает.

– А черный?

– Черный тоже, – сухо заметил Михаил, закрывая дверь. – Как служение?

— Как обычно. Мирно. Прихожан много, просьб много. Но мы справляемся.

– Я слышал, на тебя снова жалобы пришли, – Михаил похлопал Дениса по плечу. – Опять укрываешь грешников, да?

– Как обычно, – улыбнулся сквозь широкую бороду иерей. – Только это, опять же, как посмотреть, для кого – грешники, для кого – нет. То, что люди свободы хотят – их право. Им просто время нужно, заставлять тут нельзя. А жалобы эти... Так куда ж без них.

– Только вот они имеют свойство накапливаться. И когда их станет слишком много, верхам придется реагировать.

– На всё воля Божья, наше дело – терпеть, – твердо ответил Денис, – но не помогать – куда более тяжелый грех.

– Ладно, я понял. С этим мне давно уже всё ясно. Как Анастасия, как дети?

– Алеша в духовную семинарию хочет, Алевтина тоже, не даёт им покоя служба отца, причем без настояния. Это ли не отрадно?

– Может, лучше к нам? Шучу, шучу, – засмеялся Михаил, уловив грозный взгляд. – Черное духовенство не для четы Прониных, я это уже давно понял.

– А у вас как дела? Много поймали, экзекуторы? Слышал, у вас работа полным ходом идет.

– Ой, тебе ли говорить! Афанасий Петрович – самый добрый среди нас, дай Бог, троих в месяц словит, а то и меньше. Не надо вот о печальной судьбе сектантов с юго-запада.

– Ты зачем заехал-то? – буркнул Денис, которому, видимо, понемногу стала надоедать их такая душевная беседа.

– По дороге было. Почему не заехать? Люблю тебя всей душой и не только тебя, – Михаил залез в карман и вытащил зеленые четки. – Вот, подарок от дядюшки Михаила для Алевтины.

И не говори, что не возьмешь. Сам купил. Сам выбрал. Знаю, она у тебя любит нефрит. Отказ приму лишь от неё.

– Она не откажется, – хмуро заметил Денис, разглядывая подарок. – Мала ещё для отказов. Эх, балуешь, очень балуешь.

– Так я же почти родственник. Хочу, чтобы помнила. Кстати, когда ты уже меня пригласишь на семейный ужин? Я так давно не ел этих вкуснейших оладий. Анастасия крайне искусна в кулинарии.

– Я не знаю. Она хворает часто, – вздохнул Денис.

– Хворает... – Михаил прищурился, обычно Денис никогда не говорил о мелких недомоганиях, а если уж упомянул, то значит – что-то серьезное.

– Что именно?

Денис помрачнел. Но, видимо, всё же решившись, дрогнувшим голосом ответил:

– Рак.

В отдел Михаил приехал хмурый. Денис как обычно отказался от его помощи, и это привычно разозлило. У него было куда больше ресурсов, нежели у среднего иерея, для которого обследование в лучшем центре онкологии Москвы – недостижимая задача. И все же он отказался снова, неугомонный болван.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.